Прохором на соборе. Этот памятник является новым источником по истории Владимирского собора 1327 г.

Но установление того, что Прохор был автором «Чтения», снимает единственный аргумент относительно принадлежности его перу «Сказания о смерти митрополита Петра». Есть и другие данные, позволяющие установить, что «Сказание» написано не Прохором. Как отмечалось выше, имя Прохора отсутствует в заголовках списков первого извода «Сказания». Кроме того, в большинстве этих списков имеется фраза, где автор говорит о себе: «.. .тако бо бог просвети землю Суждальскую и град, зовомый Москву, и благовернаго князя Ивана, и княгиню, и дети, и раба божия старейшину града, тож и мне испроси грехов оставление».[36] Автор говорит о себе в первом лице и ставит себя ниже не только князя и его семьи, но и ниже московского тысяцкого Протасия — «старейшины града». Епископ же Прохор упоминается в «Сказании» в 3-м лице; несомненно также, что на феодальной иерархической лестнице он стоял выше Протасия. Эти наблюдения говорят о том, что епископ Прохор и автор «Сказания» — разные лица.

«Сказание» недаром названо «Преставление Петра митрополита». Рассказ о его смерти составляет примерно шестую часть всего произведения, причем в этой части описан только последний день жизни митрополита. Рассказ составлен очень подробно: описана утренняя служба митрополита, его недомогание, наказ, данный Петром Протасию, его беседа с архимандритом Федором и внезапная кончина во время вечерни. Скорее всего такое описание могло принадлежать очевидцу. Им, конечно, не мог быть ростовский епископ Прохор, — его в то время не было в Москве.[37]

Общая промосковская окраска «Сказания», что уже отмечено в литературе,[38] внимание к московскому тысяцкому, сообщение о постройке Успенского собора в Москве позволяют видеть в авторе «Сказания» неизвестного москвича, принадлежавшего к кругам, близким митрополиту Петру, Ивану Калите и тысяцкому Протасию, возможно, одного из клириков нового московского Успенского собора.[39]

Приписывая «Сказание о смерти митрополита Петра» епископу Прохору, исследователи обычно датировали его 1327—1328 г.[40] Но поскольку авторство Прохора отпадает, датировка памятника нуждается в другой аргументации. Установление точной датировки очень важно, так как совсем небезразлично, написано ли произведение до того, как Иван Калита стал великим князем (1328 г.), или после. Иначе: отражает ли «Сказание» идеи, которыми руководствовалась Москва, борясь за великое княжение, или же идеи и задачи, которые вставали перед Калитой, великим князем. Текстологическое изучение списков «Сказания» не позволяет выделить в нем каких-либо частей, написанных в разное время.[41] Автор «Ска-

---

[36] Так в древнейшем списке· ГБЛ, ф 98, № 637, л. 452

[37] ПСРЛ, т. XVIII, стр 90.

[38] История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 70—71; История русской литературы в трех томах, т. I, стр 158—159.

[39] При Успенском соборе впервые в Москве начали вести летописные записи (История русской литературы, т II, ч 1, стр. 70).

[40] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых .., стр 76; История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 70.

[41] В О Ключевский считал заключительную фразу «Сказания» о построении в Москве Успенского собора припиской (Древнерусские жития святых. . ., стр. 76). Действительно если исходить из того, что автором памятника был ростовский епископ, то трудно объяснить, почему в «Сказании» говорится о постройке Успенского собора и ничего не сказано о его освящении, которое совершал Прохор. Но если «Сказание» написано москвичом, то нет никаких данных считать заключительную фразу припиской